

И. М. Гревсъ.

Ivan M. Greus

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ

РИМСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВО ВРЕМЯ ИМПЕРІИ).

ТОМЪ I.

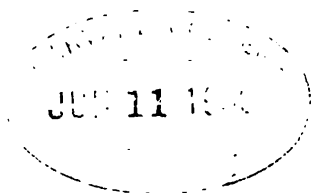
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

—
1899.

~~Slav 424.50~~

P Slav 424.50 (53)

By exchange

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. 20 Ноября 1899 г.

Деканъ П. Никитинъ.

2861

22-1-17
29-16

*Дорогой памяти своей матери
посвящаетъ настоящий трудъ
авторъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
А. Предисловіе.	XI
Б. Введеніе: Научная разработка исторіи римскаго землевладѣнія	3
1. Обзоръ и характеристика библіографіи ученыхъ сочиненій по данному вопросу	5
2. Причины неудовлетворительнаго состоянія изслѣдованія означенной исторической проблемы.	32
3. Необходимость широкой постановки изученія римской аграрной исторіи и тщательной разработки ея деталей; схема предстоящихъ трудовъ автора въ названной области; значеніе частныхъ разысканій по исторіи римскаго землевладѣнія; планъ и содержаніе настоящей книги и специальная цѣль подобныхъ ей работъ въ общей задачѣ разъясненія соціальнаго прошлаго римскаго міра	51
В. Очеркъ первый: Землевладѣніе во времена Августа по сочиненіямъ Горачія	63
I. Горачій, какъ источникъ для соціальной исторіи Рима	63
II. Помѣстье Горачія въ сабинской землѣ	73
1. Топографія его	75
а. Происхожденіе и мѣстоположеніе помѣстья (топографическія переживанія)	75
б. Составъ недвижимаго состоянія Горачія: римскій городской домъ, тибуртинская загородная вилла и сабинское сельское помѣстье	88
2. Описаніе отдѣльныхъ частей сабинскаго помѣстья	94
а. Усадьба (ея расположеніе и характеръ)	96
б. Сельскохозяйственныя культуры (виноградникъ, пашня, лугъ).	107
в. Лѣсъ, пастбища, пустоши	114
г. Барская и арендная половины	118
3. Общее заключеніе о размѣрахъ и типѣ сабинскаго имѣнія Горачія	124

III. Господствующія формы земельных отношеній въ римскомъ мірѣ во время Горація	132
1. Развитие крупной собственности и подавление ею мелкой (фиктивных и историческія иллюстраціи этого явленія у Горація и отчасти у другихъ поэтовъ)	133
2. Земельное магнатство и его социальныя нравы	156
3. Положеніе низшихъ земледѣльческихъ классовъ (обезземеленіе крестьянства)	164
4. Данныя Горація о сохраненіи крестьянскаго землевладѣнія	178
IV. Выводы	185
1. Картина аграрнаго строя, извлекаемая изъ сочиненій Горація, какъ наглядный критерій современнаго ему общественнаго мнѣнія о состояніи землевладѣнія во времена Августа	186
2. Подчиненное социальное положеніе Горація, какъ признакъ, опредѣляющій мѣсто его имѣнія въ іерархіи земель въ римскомъ мірѣ	193
3. Земельные собственники средней руки (примѣры: Горацій, Тибулль, Вергилій, Ювеналь и Марціаль) и крупное землевладѣніе. — Торжество послѣдняго ко времени утвержденія имперіи.	202

Г. Очеркъ второй: Т. Помпоній Атикъ, какъ представитель особаго типа земельных магнатовъ въ переходную эпоху отъ республики къ имперіи.	237
Задача этюда (біографическій методъ, какъ средство социально-историческаго изученія)	237
I. Происхожденіе Атика и разнообразныя пути его обогащенія	246
Мѣсто Атика среди различныхъ группъ римской аристократіи. — Значеніе его біографіи для историка римскаго землевладѣнія.	246
1. Наслѣдственное состояніе Атика и намѣченный имъ планъ жизни	251
а. Удаленіе отъ службы и сосредоточеніе на созданіи частнаго богатства	251
б. Отношеніе его къ обществамъ публикановъ	263
2. Капиталистическія предпріятія Атика	268
а. Крупныя спекуляціи	268
б. Второстепенныя виды денежныхъ дѣлъ. Атикъ — книжный издатель	276
в. Обогащеніе его наслѣдствами. — Результаты пріобрѣтательской дѣятельности Атика и прекращеніе его финансовыхъ операцій	281
II. Реализація состоянія Атика въ недвижимыхъ имуществѣхъ. — Атикъ — крупный земельный собственникъ	288
1. Италійскія владѣнія его.	291
а. Римская резиденція и городскіе доходные дома.	291

	СТРАН.
б. Подгородныя виллы	306
в. Помѣстья внутри полуострова	317
г. Участіе Аттика въ пользованіи государственными землями въ Италіи	325
2. Провинціальныя владѣнія	338
а. Эпирская латифундія Аттика (ея происхожденіе, составъ и вѣроятная организація)	338
б. Земледѣльческое населеніе помѣстій Аттика; окончательное общее сужденіе о размѣрахъ и расположеніи его недвижимой собственности	352
III. Политическая философія Аттика и его общественное поведеніе.	368
Необходимость изученія политическихъ взглядовъ Аттика и ихъ примѣненія для оцѣнки его соціальной роли.	368
1. Какъ сложились жизненныя воззрѣнія Аттика?	373
а. Развѣтіе индивидуализма въ высшихъ классахъ римскаго общества и вліяніе эпикурейства на ихъ политическое настроеніе въ концѣ республики	373
б. Особенность практической политики Аттика (honestum otium).—Аттикъ и дружба	390
в. Осуществленіе выработанной программы на дѣлѣ (кованіе своего счастья).	400
2. Результаты жизненной работы Аттика	416
а. Полный успѣхъ личныхъ плановъ и увѣнчаніе семейнаго благополучія	416
б. Аттикъ, какъ представитель важнаго и новаго соціально-политическаго теченія среди римской знати въ эпоху окончательнаго упадка республики	422
в. Имперія и республиканская аристократія	432

Д. Заключеніе: Общеисторическое значеніе крупной земельной собственности въ римскомъ мірѣ въ связи съ основными особенностями экономического строя древности.	441
I. Частные и общіе вопросы въ разработкѣ исторіи римскаго землевладѣнія	444
1. Мѣсто индивидуальных этюдовъ въ общемъ планѣ изученія даннаго предмета	444
2. Необходимость ихъ обобщенія.—Всемирно историческая точка зрѣнія, какъ лучший объединяющій принципъ	453
II. Теорія Родбертуса-Бюхера, какъ средство познанія экономического строя классической древности	468
1. Происхожденіе и сущность теоріи Родбертуса-Бюхера объ особенностяхъ хозяйственной эволюціи античнаго міра	468
2. Система замкнутаго домашняго хозяйства и римское экономическое развитіе по Бюхеру	484

III. Теорія Бюхера и римская исторія (опытъ критическаго разсмотрѣнія ея).	496
1. Признаки постепеннаго развитія народно-хозяйственной организаціи въ экономической жизни римскаго міра, какъ факты, подрывающіе цѣльность бюхеровской системы	496
2. Односторонность результатовъ первоначальнаго торжества капиталистическихъ формъ хозяйства въ римскомъ государствѣ къ концу республиканскаго періода.	515
3. Условія, разлагавшія замкнутое домашнее хозяйство во время имперіи, какъ причины начинавшагося перерожденія экономического строя римской древности (экономическая политика принципата).	528
IV. Стойкость системы крупныхъ замкнутыхъ хозяйствъ, какъ перво-степенная социальная причина паденія римской имперіи. . . .	540
1. Симптомы малой жизненности римской торговли даже въ эпоху ея наибольшаго развитія	542
2. Невыдѣленность или малая самостоятельность въ римскомъ обществѣ купеческаго и ремесленнаго классовъ	555
3. Мѣсто рабскаго труда въ производствѣ и специально въ индустріи.	567
4. Новое возрожденіе крупнаго ойкоснаго хозяйства и разложе-ніе имъ имперскаго единства	580
а. Послѣдовательныя фазы въ развитіи, разложеніи и возрожденіи ойкосной системы въ римской исторіи. — Вліяніе ея на государственное хозяйство имперіи	582
б. Эволюція отношеній большихъ частныхъ ойкосовъ къ го-сударственному во время имперіи и торжество первыхъ надъ послѣднимъ въ IV-мъ и V-мъ вѣкахъ (начало фео-дализаціи общественнаго строя)	594
в. Ойкосное хозяйство и духовная культура имперіи (зависи-мость его отъ варваризаціи сознаний).	613
Е. Указатели	621
1. Источниковъ (Index locorum)	621
II. Литературы	640

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«L'histoire n'est pas une science facile; l'objet qu'elle étudie est infiniment complexe; une société humaine est un corps dont on ne peut saisir l'harmonie et l'unité qu'à condition d'avoir examiné successivement et de très près chacun des organes qui le composent et qui en font la vie. Une longue et scrupuleuse observation du détail est donc la seule voie qui puisse conduire à quelque vue d'ensemble. *Pour un jour de synthèse il faut des années d'analyse...*»

Fustel de Coulanges.

Настоящая книга, являющаяся результатом не малаго и не кратковременнаго труда, можетъ быть названа плодомъ проникновенія автора приведеннымъ только-что девизомъ научнаго изслѣдованія, который выраженъ словами знаменитаго историка. — Я привлеченъ былъ къ изученію соціальной исторіи римской имперіи вскорѣ послѣ окончанія курса на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго Университета. Интересъ къ данной эпохѣ и вкусъ къ подобнаго рода сюжетамъ былъ впервые внушенъ мнѣ занятіями подъ руководствомъ покойнаго моего учителя—профессора и академика Василія Григоріевича Васильевскаго. —Подчиняясь обычной въ юности склонности къ широкимъ построеніямъ, я увлекался сначала намѣреніемъ написать обширное сочиненіе, которое разсматривало бы полную исторію

аристократическихъ классовъ въ римской имперіи и раскрывало бы ихъ общественную роль, могущественность которой ощущается почти въ каждомъ фактѣ исторіи римскаго государства. Но приступая къ работкѣ избраннаго вопроса съ тою внимательною осторожностью и съ тѣмъ серьезнымъ уваженіемъ къ требованіямъ ученыхъ разысканій, которыя усваивались учениками Василя Григоріевича уже на студенческой скамьѣ, я не могъ очень скоро не убѣдиться въ его огромной сложности и чрезвычайной трудности. Сознаніе это естественно приводило къ необходимости ограниченія предмета изслѣдованія. Надо было подходить къ нему мало-по-малу, захватывать его по частямъ, принимая въ расчетъ самое положеніе вопроса въ наукѣ и стараясь точно оцѣнивать собственные силы; понимая возможность только медленной побѣды надъ препятствіями, но замѣчая при этомъ, что она облегчается и приближается систематичностью борьбы съ ними при постепенномъ ростѣ по мѣрѣ упражненія индивидуальныхъ научныхъ средствъ самого изслѣдователя.

Для достиженія указанной цѣли, то-есть, для установки опредѣленныхъ рамокъ работы съ научною ясностью и строгою цѣлесообразностью слѣдовало подробно анализировать порознь и тщательно сравнить между собою основные элементы историческаго явленія или института, поставленнаго объектомъ наблюденія. Послѣ этого приходилось, не теряя изъ вида общей концепціи темы, выдѣлить для ближайшаго спеціальнаго изученія ту сторону вопроса, которая оказывалась въ одно время и особенно существенною, и наименѣе выясненною. Тѣмъ самымъ пріобрѣталась бы возможность, работая надъ важною проблемою,

сказать о ней новое научное слово. — «Аристократизмъ», несомнѣнно, былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ чертъ римскаго общественнаго строя во всѣ періоды историческаго существованія великаго народа. Рядомъ съ этимъ необходимо выдвинуть, что знать всегда являлась въ римскомъ обществѣ и политически привилегированнымъ сословіемъ, носителемъ верховно-административныхъ правъ, и классомъ, господствовавшимъ надъ остальными въ соціально-экономическомъ отношеніи, то есть, вслѣдствіе особенностей хозяйственнаго строя римлянъ — обладателемъ земельного богатства. «Землевладѣніе» должно быть названо, стало быть, самымъ кореннымъ экономическимъ факторомъ развитія соціальной жизни въ римскомъ мірѣ, какъ «аристократія» — самую главную дѣйствовавшую въ немъ политическою силою. При этомъ сословно-административная организація знати въ ея послѣдовательномъ развитіи изучена въ имѣющейсѣ научной литературѣ по римской исторіи гораздо лучше, чѣмъ уяснена связь ея судебъ съ аграрною эволюціею римскаго міра, которая и сама остается до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ мало освѣщенной областью. Слѣдовательно, чтобы не оставлять первоначально взятаго на себя дѣла — изученія исторіи римской аристократіи — и разсмотрѣть ее съ наименѣе извѣстной стороны, самымъ лучшимъ оказывалось изслѣдовать развитіе высшихъ классовъ римскаго общества съ соціально-экономической точки зрѣнія.

Подобная ориентировка темы труда обращала меня къ разработкѣ исторіи крупной земельной собственности въ Римѣ, субъектомъ которой именно являлась и до конца оставалась знать. Въ такой фор-

мулѣ я нашелъ выходъ изъ первоначальной неопредѣленности рисовавшейся задачи; ею же указывалась дѣйствительно значительная историческая проблема и намѣчалась область, въ которой каждому добросовѣстному научному труженику можно и должно искать нетронутыхъ еще данныхъ и находить новые отвѣты на неразрѣшенные вопросы. Я сообщаю здѣсь выводы, обусловившіе постановку темы моего сочиненія, къ которымъ привела меня послѣ многочисленныхъ опытовъ и немалыхъ колебаній долгая подготовительная работа надъ избраннымъ предметомъ. Цѣлый рядъ лѣтъ упорнаго труда далъ мнѣ въ руки обильный матеріалъ, помогъ выяснить существенныя основныя идеи, добиться важныхъ обобщеній и выработать остовъ цѣльнаго построенія земельной исторіи въ римскомъ мірѣ преимущественно во времена имперіи. Но различныя неблагопріятныя условія, среди которыхъ слагалась моя научная жизнь, мѣшали мнѣ до сихъ поръ придать полученнымъ результатамъ форму, которая позволила бы обнародовать ихъ уже теперь въ полномъ видѣ. Съ другой стороны самый предметъ и освѣщающіе его источники оказались такого свойства, что потребовали положительно громадной черновой работы, а затѣмъ предварительной и провѣрочной комбинаціи. Такъ, на самомъ дѣлѣ оправдывался тезисъ, что всякое даже частичное синтетическое обобщеніе можетъ устанавливаться сколько-нибудь прочно лишь на фундаментѣ медленно строившихся передъ тѣмъ аналитическихъ изслѣдованій. Параллельно съ постепеннымъ установленіемъ общей задачи всего труда, разработкою его плана, систематическимъ собираніемъ матеріала и первоначальнымъ его анализомъ и классификаціею неиз-

бѣжно приходилось предпринимать различныя спеціальныя изысканія и детально освѣщать нѣкоторые отдѣльные пункты. Последнее должно было содѣйствовать въ наиболѣе трудныхъ случаяхъ лучшему раскрытію и точнѣйшему разсмотрѣнію основныхъ элементовъ изучаемаго явленія, а также болѣе полному опредѣленію ихъ дѣйствительнаго мѣста въ его организмѣ и ихъ функцій въ его развитіи. Для удовлетворенія данной цѣли я пытался выработать особую форму «индивидуальныхъ этюдовъ», которые послужили бы лишнимъ орудіемъ познанія того, что скрываютъ историческіе памятники для воспроизведенія одного изъ крупнѣйшихъ процессовъ всемірно-исторической соціальной эволюціи. Во введеніи и заключеніи настоящей книги и во вводныхъ главахъ отдѣльныхъ очерковъ выяснены какъ общій планъ будущаго основнаго труда, надъ которымъ я работаю въ означенной сферѣ соціально-экономической исторіи римской древности, такъ и схема этюдовъ, подготовляющихъ его осуществленіе. Здѣсь я только счелъ нужнымъ бѣгло указать, какъ возникла книга, которую я нынѣ рѣшаюсь предложить вниманію читателей. Я не буду утомлять ихъ подробнымъ разсказомъ біографіи своего труда, но невольно ощущалъ потребность проводить послѣдній въ свѣтъ нѣсколькими словами, поясняющими его происхожденіе и природу.

Какъ скромно ни оцѣниваю я настоящее свое сочиненіе со стороны важности и новизны его результатовъ, я не могу не заявить совершенно откровенно слѣдующаго: я не въ состояніи былъ бы достигнуть и того, что въ немъ можетъ быть найдено заслуживающимъ вниманія съ точки зрѣнія фактическаго содержанія, общихъ идей и методологическихъ пріе-

мовъ, если бы не пользовался постоянно въ различныхъ формахъ руководящимъ вліяніемъ или помощью, поддержкою или совѣтами нѣсколькихъ лицъ, которымъ мнѣ должно и дорого выразить свою признательность.

Авторамъ научныхъ монографій не приходится, конечно. благодарить своихъ предшественниковъ, труды которыхъ оказали имъ прямыя услуги, или великихъ историковъ, являвшихся, безъ сомнѣнія, ихъ учителями. Но приступая къ публикованію серіи изслѣдованій, однородныхъ по содержанію и сосредоточенныхъ около одной эпохи и одного явленія, я позволяю себѣ назвать имя крупнаго ученаго, котораго лично не зналъ, но сочиненія и идеи котораго обнаружили исключительно сильное и широкое вліяніе на образованіе моего научно-историческаго міросозерцанія. Я говорю о Фюстель де Куланжѣ. Обстоятельства не дали мнѣ формальнаго права назвать себя его ученикомъ, такъ какъ мнѣ не выпало на долю счастья слушать его лекціи и стать подъ его личное руководство. Когда я первый разъ пріѣхалъ въ Парижъ въ 1889-омъ году для продолженія своего научнаго образованія, знаменитый ученый незадолго передъ тѣмъ скончался. Но вся умственная атмосфера Сорбонны была, такъ сказать, полна свѣжихъ и яркихъ воспоминаній о немъ и согрѣтаго сильною скорбью отъ понесенной утраты восторга передъ его только-что умолкшимъ преподаваніемъ. Ощущеніе такой горячей симпатіи и благоговѣйнаго уваженія къ личности и дѣятельности замѣчательнаго профессора въ его непосредственныхъ питомцахъ, съ которыми удалось тогда вступить въ общеніе, поднимало и укрѣпляло во мнѣ увлеченіе работами и взглядами Фюстель де Куланжа, которымъ я былъ проникнутъ уже и раньше. Чувство это